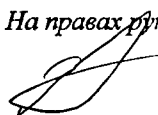

На правах рукописи

003483336

ГОВОРУХИН ГРИГОРИЙ ЭДУАРДОВИЧ
СИМВОЛИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА ОСВАИВАЕМОГО РЕГИОНА
(СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

22 00.04 – Социальная структура, социальные институты
и процессы

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

19 Фев 2009

Хабаровск - 2009

Работа выполнена в Федеральном государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет»

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Ледяев Валерий Георгиевич

доктор социологических наук, доцент
Левков Сергей Андреевич

доктор политических наук, доцент
Песцов Сергей Константинович

Ведущая организация: Московский государственный
гуманитарный университет
им М.А. Шолохова

Защита состоится «19» ноября 2009 г. в «14-00» часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.294.04 при Тихоокеанском государственном университете (ТОГУ) по адресу 680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136, ауд. 315л.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тихоокеанского государственного университета.

Автореферат разослан «15» сентября 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

П. П. Лях

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Процесс становления нового российского общества во многом связан со становлением новых типов символических отношений, переосмыслением социального пространства и своего места в нем для миллионов людей, еще недавно именовавшихся советским народом. Символика социального пространства, накладываясь на пространство физическое, совмещаясь с ним, инвизибилизируется, укореняется в природе. Следовательно, она ускользает от взгляда исследователя, становится элементом «природного», а не социального окружения. Только в период социальных сломов, катастрофических переходов общества от одного состояния к другому начинает осознаваться как утраченный символизм, так и его отсутствие в настоящем. В этот момент начинается напряженная работа по воссозданию/ конструированию социального символизма и социального пространства. Такое конструирование, протекающее как объективный социальный процесс, тем не менее, по необходимости должно сопровождаться исследованием механизмов этого конструирования.

В период, когда отсутствие социального символизма и четко осознаваемых параметров социального пространства начинает осознаваться обществом как проблема (в форме «заказа на национальную идею» или в какой-нибудь иной), механизмы конструирования социальной символики, социального воображаемого (общества) и самого социального пространства становятся видимыми и изучаемыми. Этим обстоятельством мы и решили воспользоваться в настоящей работе. Мы взяли на себя задачу проанализировать символическую структуру социального пространства и механизм

конструирования этой структуры.

Особенно актуальна эта проблема для осваиваемого региона, т. е. такого, где сам процесс конструирования социального пространства и процесс его символизации не был завершен. К таким регионам и относится Российский Дальний Восток. Систематическое освоение этого региона и, соответственно, включение его в общее символическое пространство России начинается чуть более ста лет назад. За это время социальное пространство было не столько сконструировано, сколько маркировано как существующее. Процесс его конструирования еще только разворачивался в период, когда условия протекания этого процесса и самого осмысления формы вхождения в более крупное социальное пространство оказались радикально изменены. Здесь осмысление условий символизации социального пространства как российского становится уже не теоретической, а острейшей смысловознательной проблемой для всего населения региона, условием его социальной самоидентификации или ее препятствием. Подобная смысловознательная потребность и выступает основанием для исследования процесса конструирования символического пространства региона.

Рассматривая условия и механизмы конструирования социального пространства, его символизации, мы не могли обойти вниманием проблемы кратологических социальных институтов. Именно они выступают инструментами и маркирования, и символизации социального пространства. Взаимодействие этой структуры с иными социальными институтами во многом определяет характеристики социального пространства, особенно на осваиваемой территории, где иные механизмы еще только формируются.

Нарушение процесса социальной идентификации с данной

пространственной структурой и населяющим ее сообществом приводит, даже в условиях относительной экономической стабилизации, к массовому оттоку населения, не позволяет сообществу организоваться, выработать устойчивые формы социального взаимодействия. В этих условиях осуществление крупных социальных и экономических проектов наталкивается на неподготовленность населения к социальной мобилизации, поскольку отсутствуют как основания для коммуникации, так и общезначимое понимание «главных задач». Такая ситуация делает исследование принципов и возможности выработки устойчивых характеристик социального пространства важнейшим условием закрепления населения в регионе, условием социально-экономического развития региона.

Степень разработанности проблемы. Анализ символического конструирования социального пространства является предметом исследования ряда социологических и социально-философских дискурсивных направлений. Исследование социального пространства становится предметом рассмотрения многих социологов, которые предпринимают попытки обосновать то, что именно следует считать социальным пространством. Исследования И. Гофмана, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Р. Коллинза, Э. Сэйера, Х. Хоффмана, А. Бикбова, С. Гавриленко, С. Дамберга, В. Елизарова, В. Писачкина, Е. Ярской-Смирновой позволяют проследить условия организации социального пространства, а главное – выявить принципы его подвижности, протяженности. Социальное пространство формируется в условиях сигнификации географической (естественной) среды обитания, что, несомненно, настоятельно требует рассмотрения условий символизации пространства.

Процесс символизации пространства протекает в условиях

ментальных (коллективно-психологических), территориальных (исторических, географических, отчасти социологических), языковых (лингвистических) и социальных (социологических и социально-философских) плоскостях. Будучи явлением интегративным, этот процесс требует активного использования междисциплинарного инструментария, позволяющего охватить множество граней явления конструирования

Наиболее развернутым теоретическим описанием символизации как таковой становится корпус текстов, рассматривающий языковые коммуникативные формы взаимодействия. Такой корпус текстов сформирован в поле достаточно большой группы социологических и социально-философских направлений, представленных Р Бартом, П Бергером, Ж Бодрийаром, Г-Г. Гадамером, МВ Ильиным, Г.К. Косиковым, Ж. Лаканом, К. Леви-Стросом, Н Луманом, Ж-Ф. Лиотаром, Т Лукманом, Дж Мидом, С. Огденом, И Ричардсом, О Розенштоком-Хюсси, Э Сепиром, А. Шюцем, У Эко, Р Якобсоном и другими. Разносторонность этих направлений позволяет определить принципы и условия символизации в рамках мифологем, включенных в социальную систему, что рассматривали, например, Р Барт, К Леви-Строс, Е А. Мельникова, и др. Достаточно значимыми при анализе пространства с позиции символики мифа становится ряд работ П Видаль-Накэ, А.Я Гуревича, и др.

Важнейшим условием символизации пространства становится особая организация социальных взаимодействий, которая рассматривается в русле символического интеракционизма, заложенного Дж. Мидом и получившего отражение в исследованиях его продолжателей Н. Дензина и Г. Файна. Большое значение в этом смысле имеет работа Н Дензина «Символические взаимодействия и

исследования культур Политика интерпретации» («Symbolic Interactions and Cultural Studies: The Politics of Interpretation»), ставшая программным документом по организации принципов «символизации» и коммуникации (более широко – культуры) Эта работа становится основанием для исследования технологий коммуникации

Анализ символизации пространства напрямую зависит от закономерностей мыслительной деятельности человека, беглое рассмотрение которой в ракурсе построения «индивидуальной» символической реальности позволяет выявить закономерности в характеристиках этнонимов территории В этой связи символика как условие мыслительной деятельности анализируется в работах З Фрейда, Ж. Лакана, Дж. Серля и др С точки зрения анализа психологических оснований формирования «индивидуальной» символики чрезвычайно важна одна из первых постмодернистских отечественных работ М Мамардашвили и А Пятигорского «Символ и сознание Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке» Принципы создания условий символизации различных областей социальной реальности рассматриваются в работах Ж Батая, одна из которых «Проклятая часть Сакральная социология» предлагает рассматривать процесс ритуальных символических практик как результат поглощения излишков производства человеческой деятельности.

Процесс символизации становится важнейшим предметом рассмотрения многих ведущих социологических и философских школ XX столетия от психолингвистики до социологической феноменологии. Мы не стремимся определить крайние точки всего спектра изучения символики этими двумя направления Мы лишь выявляем максимально различные дискурсивные и парадигмальные поля изучения настоящего

предмета В границах этих парадигмальных различий формируется общее понимание того, что символизация является объективной реальностью любых социальных взаимодействий, более того, наряду с языком она формирует эти социальные взаимодействия на уровне повседневных практик (Р. Барт, М Фуко, А Шюц и др)

Безусловно важной и в теоретическом, и в методологическом плане становится работа М Мински «Фреймы для представления знания» Лингвистическое исследование М. Мински обосновывает возможность выделения абстрактного образа для представления стереотипного восприятия Такой абстрактный образ он называет фреймом Дальнейшее использование фреймов и методика их поиска позволяет интенсифицировать работу с качественными исследованиями Выделение фрейма, а также проведение фреймового анализа дает социологу возможность сопоставления повторяющихся слов, фраз и выражений и обнаружить смысловую зависимость между найденными повторениями. Содержащиеся в повторах смыслы позволяют очертить символические границы социального пространства, как на уровне повседневной реальности, так и в границах социальных структур и институтов

Трансформация анализа повседневных практик, выделение символической нагруженности социального пространства обнаруживается путем социологического наблюдения (Л Бляхер, Ф Знаниецкий, А Карпов, Э Панеях, У.И Томас, А. Чешкова и др) Наблюдение и оценка в рамках замкнутого пространства отдельно взятого города применяются в работе У. Уорнера «Живые и мертвые». Понимание меняющихся традиций города, а главное – изменение собственной оценки жизненного пространства горожанами происходит, как об этом говорит У Уорнер, в результате изменения

макросоциологических исторических условий В этом случае «шлейф» символики замкнутого (ограниченного) пространства города, области, региона тянется из недр самой социальной системы

Отдельные проявления символических взаимодействий, такие как, например, массмедиа у Н. Лумана или сексуальность у Г. Маркузе и Ж. Бодрийяра образуют базис взаимодействий в социальных группах Настоящие положения позволяют рассматривать символизм как форму онтологической реальности, существующую сегодня вне границ политических и социальных институтов

При всей разносторонности исследований символизма эти исследования при попытке их объединения представляются эклектичными На наш взгляд, перевод ряда положений этих разнообразных позиций и теорий на верифицируемую почву географического пространства позволяет примирить некоторые из них

Важнейшим условием формирования массового символизма выступают институты власти, создающие принципы и условия сигнификации пространства Понимание того, как это осуществляется, проистекает из анализа самой природы кратоса Всестороннее рассмотрение власти открывается работами Г Лассуэлла и Э Кэплэна, Р Берштедта, Х Саймона, Д. Картрайта, Р Даля, Дж Марча, опубликованными в 1950-х – начале 1960-х годов. В двадцатом веке возникает два глубоких потока понимания власти и властных взаимодействий Один вытекает из теории Гоббса-Вебера и получает продолжение в работах Р. Даля, Д Картрайта, С Льюкса, Э Гидденса, Дж Харсани и др Другой восходит к более древнему источнику. Он проистекает из представлений Платона и Аристотеля и обнаруживается в XX веке в творчестве Х. Аренд и Т. Парсонса. Дискурсивным водоразделом обоих потоков становится отношение к проблеме

конфликта в системе власти Строго говоря, обе традиции можно обозначить как вопрос о конфликтной и легитимной природе власти как продукта противодействия людей друг другу и в то же время как организации коллективной жизнедеятельности людей.

Анализ процессов формирования кратоса осуществляется в работах А И Кравченко, И И Кравченко, В Г. Ледяева, В А. Подороги, В Н Поруса, Дж. Ритцера, В.Ф. Халипова, и др. Природа власти, а как следствие, и условие ее существования, согласно позиции данных исследователей, сводится к историческим условиям развития самого общества. Общество диктует формы власти, определяет ее природу. При этом объективные условия существования власти вневременны и внепространственны Идеи, которых придерживались представители постструктурализма и постмодернизма М Фуко, Ж Бодрийяр, Ж. Деррида и др., сводимы к общему пониманию тотальности власти Власть абсолютна Она деспотично вторгается в жизнь каждого члена общества в тот момент, когда этот человек оказывается в поле зрения общества, т. е. с момента его рождения

Оценка процессов формирования кратоса становится значимым фактором в анализе способов организации символики пространства Именно специфическая природа власти, в том виде как она представляется исследователям, влияет на способы распространения властных взаимодействий в географическом пространстве Одним из условий такого распространения и становится инструмент под названием символизация. Символизация выступает неким туманом, под прикрытием которого власть отвоевывает для себя территории (В.В Алексеев, Л.А. Андреева, Д Н Замятин, С К Цатурова и др)

Безусловно, ценными при анализе процесса конструирования символического пространства осваиваемого региона становятся

исследования, нацеленные на изучение собственно географического пространства, в том числе пространства Дальнего Востока. Общий список работ, необходимых для данного анализа, можно условно разделить на две группы. Первая группа – это собственно исторические тексты. На базе таких текстов нами осуществлен историко-сравнительный анализ, позволивший обнаружить закономерности как в освоении пространств, так и в принципах их (пространств) символизации. К таким текстам относятся работы В.В. Алексеева, А.Р. Артемьева, С.Н. Баландина, С.Ю. Барсукова, Е.Л. Беспрозованных, Г.А. Богданова, П. Бурдые, Н.В. Буссе, Ф.Ф. Буссе, Ф. Броделя, А.-Дж. Грэхема, И.В. Зубкова, В.И. Ильина, В. Каганского, А.А. Кауфмана, Р. Клари, П. Кропоткина, Е.В. Крючкова, Ф.А. Кудрявцева, Г.И. Невельского, П.Ф. Унтербергера, и др. Вторая группа текстов представляет собой социологический анализ освоения и символизации пространства. К этой группе относятся работы Л.Е. Бляхера, М. Вебера, Ю.С. Тивоварова, Д. Резуна, Б. Родмана, В.М. Сергеева, В.А. Сулимова, А.Ф. Филиппова и др.

Заселение пространства осуществляется через трансформацию понимания его функциональной ценности для человека. В этой связи символизация пространства представляет собой нечто иное, как способ функционализации территории заселения. Территория в условиях ее функциональной полезности становится заметной и воспринимаемой как политическими институтами, так и обществом. После определения степени этой полезности территория начинает сигнифицироваться, «осмысливаться» в рамках привычных символов, к которым относятся географические карты, кадастровые реестры и пр.

Цель работы – выявить особенности символического конструирования социального пространства осваиваемого региона, его

влияние на специфику социальной идентификации в рамках данного территориального сообщества и формирования устойчивой системы коммуникации населения региона.

Объект исследования – социальное пространство Дальнего Востока как осваиваемого региона.

Предмет исследования – символическое конструирование социального пространства Дальнего Востока

Целью работы, а также особенностями предмета и объекта исследования, определяется круг задач.

- Определить понятие «социальное пространство» как реализацию социального воображаемого в данном обществе, выявить его символическую природу
- Определить роль кратологического дискурса в выработке параметров социального воображаемого и механизмов символизации социального пространства
- Описать процесс формирования принципов символизации социального пространства в рамках европейского социума и традиции социологического исследования этого процесса
- Обосновать понимание символизации как процесса превращения географического пространства в социальное
- Выявить специфику социального пространства осваиваемого региона и особенности его конструирования
- Продемонстрировать систему исторических детерминант, определяющих процесс конструирования социального пространства на Дальнем Востоке России, принципы и условия формирования локального сообщества
- Проанализировать детерминанты символического

конструирования социального пространства и формирования локального сообщества на примере города Комсомольск-на-Амуре

Методология диссертационного исследования. В качестве методологической основы диссертационного исследования выступает концепция Э. Шилза, посвященная «социальному воображаемому». Под «социальным воображаемым» понимаются социальные структуры, более абстрактные, чем повседневное социальное взаимодействие социальных агентов, но детерминирующие протекание этого взаимодействия. Другим основанием нашего исследования является понимание условий символизации географического пространства и превращения его в социальное, рассматривавшееся в работах Г. Зиммеля и интерпретируемое А. Ф. Филипповым

Эмпирическая база исследования Эмпирическую базу исследования составили

- результаты формализованных опросов социального самочувствия населения Хабаровского края, проводимые ДВИСПИ в 2002 – 2008 гг. под руководством И. Ф. Ярулина при участии автора. Объем выборки составляет 2000 анкет при генеральной совокупности от 1600 тыс. до 1450 тыс. жителей, проживающих в Хабаровском крае за период с 2002 по 2008 годы. Выборка репрезентативна по территориальному и возрастному признаку ($n = 1000$),
- результаты формализованного опроса в г. Комсомольск-на-Амуре, проведенного автором в 2007 – 2008 гг. Генеральная совокупность – население города Комсомольска-на-Амуре старше 18 лет. Выборка составляет 500 анкет при генеральной

совокупности общего числа жителей города в 287 тыс. Выборка репрезентативна по территориальному, профессиональному и возрастному признаку ($n = 220$),

- неформализованное интервьюирование жителей города Комсомольск-на-Амуре. Выборка репрезентативна по территориальному и возрастному признаку ($n = 140$),
- 5 фокус-групп с жителями города Комсомольск-на-Амуре по теме «Символизация социального пространства «новых» городов Дальнего Востока. Комсомольск-на-Амуре»,
- результаты вторичного анализа материалов официальной статистики и исторических документов.

Ряд исследований были проведены при финансовой поддержке Фонда Форда грант № 1045-0845-1 в 2006 году по теме «Символизация социального пространства «новых» городов Дальнего Востока Комсомольск-на-Амуре» и Российского гуманитарного научного фонда грант № 07-01-88180 г/Т в 2007 году по теме «История освоения Российского Приамурья и современное социально-экономическое состояние стран АТР»

Научная новизна исследования:

- Впервые в специальной литературе выявлены признаки символического конструирования социального пространства на Дальнем Востоке России в процессе становления. Анализ такого конструирования, выявление символических признаков закрепления территории за населением позволяет произвести экстраполяцию настоящих процессов организации социального пространства, как на прошлое, так и на будущее человечества. Выявленные признаки символизации конструирования

социального пространства позволяют обозначить закономерности развития социальных структур на отдаленных территориях и выявить условия символической «приживаемости» больших групп людей в осваиваемом пространстве

- Определены условия сохранения и поддержания «проточного» пространства, его влияние на специфику социальной структуры осваиваемого региона. Так, одним из условий формирования социального пространства Дальнего Востока становится «проточность», формирующаяся в условиях челночной миграции населения. Челночная миграция и связанное с ней вахтовое производство становится объектом рассмотрения различных научных направлений, в том числе экономики, истории, философии. Полученные в ходе исследований данные позволяют рассматривать такое явление как «челочность» в виде спорадических экономических взаимодействий, временных социальных поселений и пр. Мы со своей стороны предлагаем рассматривать пространство Дальнего Востока как «проточное» пространство. Несмотря на высокую мобильность населения, в таком пространстве формируются признаки самодостаточности. «Проточное» пространство наделено особыми символическими условиями, сохраняющими это пространство.
- В научный оборот введено и обосновано понятие «лакунарного пространства». Процесс освоения территории не становится тотальным, охватывающим всю географию осваиваемого региона. В процессе освоения сохраняются участки пространства, обозначающие символически значимое, но

социально невидимое пространственное образование, которое не задействовано в хозяйственной деятельности человека «Лакунарные пространства», являясь естественной средой обитания человека и находясь в границах уже фактически освоенной территории, выступают источником опасности для организации социального пространства Лакунарное пространство имеет тенденции к расширению и включению в себя территорий некогда хозяйственно освоенных

- Выявлены особенности протекания процесса редукции, «сокращения» социального пространства и формы его социального осмысления. В ходе изменения символической, идеологической программы, отдаленные территории начинают сокращаться. В условиях «проточного пространства» это происходит естественным образом путем привычного оттока населения и сокращения его притока на осваиваемую территорию. Такого рода процессы неизбежно приводят к изменению осмысленности территории и формированию новой сигнификативной реальности социального пространства

Положения, выносимые на защиту:

- Важнейшим условием осуществления социального взаимодействия выступает социальное пространство, в котором данное взаимодействие осуществляется. Сами же эти характеристики связаны с символическим осмыслением пространства, наделением его системой социальных смыслов. Вне этого осмысления пространство оказывается «невидимым», а взаимодействие оказывается невозможным
- Сам процесс символизации пространства не протекает «естественно», в ходе социального взаимодействия, но

предшествует ему, составляет его условия. Ключевым элементом, детерминирующим осуществление символизации пространства, выступает властный дискурс.

- Символизация выступает здесь инструментом превращения географического пространства в социальное. Участки пространства, не подвергшегося символическому освоению, оказываются «социальными лакунами», а их население – «социальными невидимками».
- В условиях осваиваемого региона символизация не предшествует социальному действию, не выступает как условие его осуществления, а совпадает с ним по времени. Сам акт символизации пространства выступает значимым социальным действием, фиксируемым и социально, и документально. Этот процесс особенно ярко проявляется на Дальнем Востоке России, относительно недавно включенном в единое макросоциальное пространство страны.
- Символическое включение Дальнего Востока в состав России осуществлялось на основе властного маркирования границ пространства и определения жесткой системы регулятивов, которые создавались и внедрялись в *ином* социальном пространстве. Не имея возможности сформировать целостный социально-смысловой облик региона, власть символически осваивает лишь отдельные территориальные фрагменты. Неосвоенные участки, лежащие внутри символических границ, превращаются в социальные лакуны.
- В ситуации слома принципов символизации, произошедшего в связи с распадом Советского Союза, социальные лакуны

начинают разрастаться, что ведет к нарушению структуры взаимодействия в локальном сообществе и механизмов социальной коммуникации. Разрастание социальных лакун приводит к деградации социального пространства, его сокращению.

- Сокращение социального пространства делает его гораздо более гомогенным, целостным. Это создает условие для нового символического осмысления образовавшейся целостности. Последнее и выступает условием последующего будущего расширения
- Проявления процесса деградации символического пространства советского Дальнего Востока на уровне повседневного социального взаимодействия обнаруживаются на примере города Комсомольск-на-Амуре. Одновременно в границах того же городского пространства обнаруживаются условия для появления новых символических моделей социального пространства региона.

Теоретическая значимость исследования связана с расширением наших представлений о формах организации социального пространства, механизмах осмысления географического пространства в качестве «родного», социального и связи абстрактных социальных категорий с повседневной социальной практикой. Не менее значимым является конкретизация представлений об особенностях осваиваемого социального пространства и формах его символизации. Последнее позволяет расширить наши знания о способах символизации пространства, протекающих параллельно с актуальной социальной деятельностью.

Практическая значимость состоит в возможности выработки

системы мероприятий на основе материалов диссертации, способных существенно ускорить процесс формирования стабильного населения региона, сокращения миграционной готовности населения. Результаты диссертации вошли в структуру курсов «Социология» и «Социальная философия», а также «История Дальнего Востока России», прочитанных автором в КнАГТУ и АмГПГУ в 2005 – 2008 гг

Апробация Основные результаты работы нашли отражение в 31 научных публикациях, в том числе 3-х монографиях и 8 статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК РФ. Результаты диссертации были представлены и обсуждены на 3 Международных конференциях (Омск, 1995; Комсомольск-на-Амуре, 2007, Стерлитамак, 2007), на 5 Всероссийских конференциях (Хабаровск, 1996; Ростов-на-Дону, 1999, Томск, 2005 и 2006, Москва, 2007), а также на конференциях регионального и межрегионального уровня. Доклад, сделанный на основе диссертации, был заслушан и обсужден на ИПК при МПГУ в 2007 году. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на кафедре истории и юриспруденции АмГПГУ.

Структура работы определяется поставленной целью, задачами и логикой подачи материала. Диссертация состоит из введения, четырех глав (10 параграфов), заключения, библиографии и приложений, содержащих описание эмпирических исследований автора

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определяется актуальность темы исследования, степень разработанности проблемы, цель и задачи работы, предмет и объект исследования. В этом разделе также описывается социологический контекст работы, формулируется новизна,

теоретическая и практическая значимость, методологические основания исследования

В первой главе **«Конструирование социального пространства. Становление властного дискурса»** рассматриваются базовые категории, анализ которых предпринимается в работе. В главе проводится исследование смысловой трансформации понятия «социальное пространство», осуществляется попытка воссоздания конвенциональных принципов использования данного понятия в экономическом, символическо-семантическом и властном дискурсах. В настоящей главе также предпринимается попытка рассмотреть властные взаимодействия, формулирующие символическую территориальных границ в социальном пространстве

В первом параграфе **«Социальное пространство в символических властных отношениях»** рассматривается явление социального пространства, а также анализируется процесс концептуализации власти как социального феномена в рамках европейской социолого-политической философской традиции. Необходимость такого рассмотрения связана с фундаментальным явлением – концептуализацией социального пространства путем закрепления за ним символического содержания, надления смыслом. Такое надление настоятельно предполагает наличие субъекта надления, того, кто наделяет смыслом пространство, определенным образом завершая его

Социальное пространство – важнейший элемент социального воображаемого – выступает ареной социального действия, условием возникновения любой социальной организованности. Само же социальное пространство конструируется за счет надления символическими смыслами элементов физического пространства. Вне этой символизации пространственные объекты не существуют

социально, не участвуют в осуществлении интеракции, они не являются элементами социального бытия. Более того, отсутствие объекта при наличии смысла не препятствует его участию в процессе социального взаимодействия. В параграфе рассматривается процесс становления властной дискурсивности. Властный дискурс полиреферентен. Он содержит многомерные условия своего становления, и такие условия неизбежно влияют на организацию социального пространства. В свою очередь трансформация социального пространства, связанная с экономическими и социально-политическими изменениями, приводит к смене смысловой конфигурации властности.

Во втором параграфе **«Властный дискурс и символика социального пространства»** рассматриваются условия становления властного дискурса в меняющемся социальном пространстве. Социально-политические и экономические изменения, происходящие в социальном пространстве, приводят к символической «переконфигурации» – замене смыслов и значений социального пространства. Такая символическая переконфигурация меняет смысловой объем явления власть. Власть терминологически и понятийно становится, наряду с другими общественно-политическими явлениями, лакмусовой бумажкой, отражающей происходящие социальные процессы. Особенно заметны эти процессы и их отражение в XX веке, когда социально-политические и экономические изменения осуществлялись максимально динамично.

«Линейное» понимание власти как процесс субъект-объектных отношений приобретает сложные смысловые конфигурации в концепциях Г. Лассуэлла, Р. Даля, С. Льюкса, Э. Гидденса, Дж. Хоманса, П. Блау, Б. Берри и др. При этом контуры социального пространства, одним из условий, маркирования которых является власть, способны

трансформироваться.

В третьем параграфе **«Власть как способ формирования конструкторов социального пространства: общество, как отношение»** рассматривается вопрос властного влияния в конструировании социального пространства.

Власть и сами отношения, связанные с системой власти, представляют собой реальность символических отношений, констатируемых исследователями. Не существует объективной природы власти, которая могла бы быть распознана в качестве абсолютно достоверной системы отношений. Отсюда не существует и объективно достоверной социально-политической природы власти, которая максимально полно выражала бы основные положения данного явления. Власть становится частью логически обоснованной коммуникационной системы современного общества. Это система, в которой предполагается, что институты власти способны существовать лишь в условиях, когда определены правила легитимности, правомерности претензий на властвование. В этом случае, говоря об институтах власти, идет разговор о смысловой правомерности и смысловой легитимности властного воздействия одних социальных конструкций на другие.

В параграфе выявляется спектр коммуникативных отношений, которые могут быть вовлечены в систему властвования и на которые власть распространяется. Анализируется интеграция смыслов (задач и мотивов), характерных для сферы частных и общественно-государственных отношений в поле единой семиосферы. Власть при этом рассматривается именно в своей социально-конструирующей функции, а не в функции особого типа социальной реальности — политики. Рассмотрению этого типа символизации и становлению его инструментария (власти имени) мы и посвящаем вторую главу работы.

Во второй главе «Социальное и физическое пространство: проблема социальной символики» анализируется процесс символического выстраивания социального пространства в условиях освоения пространства физического. В главе предпринимается попытка выявления факторов символизации пространства и определяются условия такой символизации.

Первый параграф «Методологические основания исследования символического пространства» посвящен попытке описания критериев освоения географического (физического) пространства, определения роли власти в символическом закреплении территории. В параграфе обосновываются методологические принципы проведения последующего анализа исследования символического пространства. Осуществляется изучение возможных методов исследования как символики власти, так и символики пространства. К таковому относится, в том числе и городское пространство, которое в большей степени находится в поле зрения исследователей социологов (М. Вебер, А. Чешкова, О. Камадонов и др.).

Основной трудностью в изучении символизации пространства становится отсутствие в социологическом дискурсе понятийного аппарата, способного прописать ментальные основания становления символической реальности пространства. При этом в рамках и социальной философии, и истории, и самой социологии существуют традиции, которые позволяют решать задачи такого рода. Попытка создания единой методологической техники на основе междисциплинарных исследовательских практик становится важным условием описания символизации пространства. С этой целью предпринимается попытка обобщения различных философских и социологических направлений, в том числе феноменологии,

постмодернизма, социологической феноменологии и т.д., использование методологии и инструментария которых позволит достичь желаемого результата

Во втором параграфе «Принципы и условия символизации пространства» рассматриваются условия, способствующие интеграции осваиваемого пространства в систему государственных отношений. Такая интеграция осуществляется путем наделения пространства привычными, узнаваемыми символами мифологической, религиозной (в целом идеологической) государственной системы. Это и выступает символизацией социального пространства. Пространство, прописанное в привычных символических конфигурациях, заставляет людей действовать, сообразовываясь с логикой сохранения данного пространства. Такое пространство будет существовать только в том случае, если будут соблюдаться формальные критерии его логической артикуляции.

В настоящем параграфе производится анализ двух реальностей символизации осваиваемого пространства. Первая – сугубо мифологическая или эпическая, включающая в себя комплекс трансцендентальных смыслов для внешнего по отношению к этой реальности человека. Вторая – естественная, привычная, историчная для человека. Первая реальность предполагает то, что будет увидено человеком в новых условиях, не типично для него в привычном пространстве. Это реальность, разрушающая естественные границы обычной (нормальной) картины мира и допускающая нетипичные реакции на происходящие процессы. Любое новое пространство принимается в фокусе смысловой конвергенции собственной культуры (пространства), и культуры (пространства), в которой представления о происходящем осуществляются на глазах и достоверно известны. Это

приводит к трансформации смысловой реальности человека, социализируемого в новом пространстве

Естественная или историчная реальность пространства напрямую связана со структурой легитимного оформления власти на данной территории. Наиболее существенным условием осваивания пространства, как показывается в параграфе, было строительство на этой территории поселения, города по «заказу» государства. Это приводило к трансляции привычных символов власти в новых условиях. Пространство символично и предопределено возможным видением тех символических объектов, которые находятся в этом пространстве.

В настоящем параграфе также рассматривается пространство Дальнего Востока, которое символически включается в хозяйственно-экономическое пространство государства. Идеологическая символика в том и другом пространстве (Дальнего Востока и всей России) – одно, но символика социальной рефлексии на это пространство различна. Реальный объект хозяйственной деятельности в пространстве Дальнего Востока равен пространству, на котором он находится. Фактически, такой объект символически подменяет собой все это пространство. Собственно Дальний Восток становится заметным для государственных институций именно в той его части, которая связана с хозяйственными / производственными объектами и артикулируется властью.

Таким образом, власть «срастается» с производством. Форма такого «сращивания», рассматривается нами в следующем параграфе данной главы.

В третьем параграфе **«Письменная символизация пространства как принцип определения границ»** анализируется способ, с помощью которого социальные смыслы, существующие на территории, распространяются на новый географический объект. Процесс освоения

территории связан с совмещением легального и «неформального» способов осмысления пространства. Здесь существует два варианта совмещения. Первый связан с формированием письменной традиции как варианта совмещения легального и неформального символизма (система праздников, памятных дат и мест и т.д.), задающих коммуникацию. Второй вариант – расхождение легального и нелегального символизма по различным социальным локусам, различным ситуациям общения. При этом легальный уровень закрепляется в письменной традиции, а «неформальный» – в механизмах ее интерпретации.

Письменный язык становится важным условием формирования символики пространства, которую следует рассматривать как способ организации, сплавивания географических пространств, территорий между собой. В процессе освоения территории (в настоящем параграфе осуществляется анализ освоения территории Дальнего Востока) происходит формирование локальных сообществ. Идет двунаправленный процесс: конкретизируется и детализируется легальный символический ряд, заданный изначальной маркировкой, а также формирование неофициального социального символизма жителей. Эти символические ряды чаще всего не совпадают, что создает основание для конфликта и дискредитации легального символизма. В этот момент возникает потребность анализа письменной символизации пространства как принципа определения концептов локала.

Письменный язык или письмо позволяет синхронизировать между собой оценку пространств людьми, находящимися за пределами межличностного взаимодействия. В параграфе предпринимается попытка обосновать роль письменного языка как одного из доминирующих условий формирования символического ряда «родного», домашнего пространства. Прописанное или описанное пространство

всегда выступает пространством символически освоенным и понятным

Эти теоретические построения, выведенные из истории заселения особого социально-территориального феномена – осваиваемого региона Дальнего Востока, предельно ярко проявляются в его современном состоянии. Оно и будет рассмотрено ниже.

В третьей главе **«Становящееся социальное пространство и процесс его символизации»** определяются условия конструирования социального пространства Дальнего Востока, а также обосновываются критерии его символизации.

В первом параграфе **«Формирующаяся система новой социальной реальности в географии удаленного пространства Дальнего Востока»** социальное пространство рассматривается как особого рода символические конструкции, в рамках которых физические объекты наделяются особым рода смыслами, социальными символами

В параграфе утверждается, что переселенческие потоки являются носителями определенного комплекса восприятия символической реальности. Такая реальность формируется в метрополии и затем переносится на новые территории. Переселение крестьян становится важным фактором по маркированию территории. При этом происходит создание принципиально новой коммуникативной среды в хозяйственных практиках людей. Как следствие – происходит формирование иной символической системы взаимодействия в пространстве, отдаленном от мест переселения. Прежняя символическая система претерпевает ломку, что свидетельствует о создании нового понимания реальности территории, удаленной от метрополии. В настоящем параграфе аргументируется важное стабилизирующее значение власти и властных институтов, которые создают единую символическую реальность на территории Дальнего Востока. Власть

формирует политический дискурс переселения, она же определяет каркас для экономических взаимодействий людей. Власть в виде общих принципов управления прописывает принципы коммуникативного взаимодействия между людьми в условиях складывающейся специфики региона. В процессе освоения территории создаются смысловые конструкции, применимые только в условиях данного пространства и действующие только в его границах.

В параграфе показано, что крестьянское освоение пространства, связанное с расширением хозяйственного использования огромных территорий Дальнего Востока начинает замедляться в силу неприспособленности переселенцев к новым условиям. В Советское время такое расширенное освоение территории сужается еще больше. Даже декларативные (идеологические) формулы крестьянского (сплошного) охвата огромных массивов пространства начинают пересматриваться в пользу создания на данной территории промышленных баз. В свою очередь это приводит к сокращению интереса населения к той большей части территории, которая оказывается неохваченной хозяйственной деятельностью. Это изменяет масштабы ориентации в пространстве и приводит к уменьшению интереса к интенсивному освоению территории. Фактическая принадлежность региона, связанная с интересом государства к региону, сокращается до незначительных ресурсосодержащих территорий. Все остальные районы региона оказываются вне фокуса государственного внимания.

Во втором параграфе **«Проточность» культуры как способ социального закрепления пространства»** предпринимается попытка описания уникальности освоения Дальнего Востока. В условиях слабого контроля территории власть вырабатывает особый тип управления

регионом. В его основу положена особенность миграционных принципов населения. В параграфе утверждается, что особенностью заселения Дальневосточного региона являлась постоянная миграция, которая артикулировала уникальные возможности организации пространства. В силу своей уникальности, такое пространство может быть определено как «проточное». Проточное пространство – это пространство, в котором существует относительный баланс положительной и отрицательной миграции населения и слабая сформулированность «популяционного ядра».

Проточность культуры Дальневосточного региона предопределяет его дальнейшее развитие и критерии последующей дестабилизации, что и будет рассмотрено нами в последней главе.

Четвертая глава **«Процессы формирования проточной культуры»** направлена на рассмотрение специфических условий становления Дальневосточного фронта российского государства. В главе доказывается, что символизации подвергались лишь отдельные участки – локалы Дальневосточного пространства. Эти участки и репрезентировали в глазах «столичного начальства» целостность территории региона. Не имея возможности, а порой – и желания осваивать регион полностью, население и направляющий его кратос осваивают локалы, пространство между которыми оказывается символически пустым, отсутствующим.

В первом параграфе главы **«Незаполненные пространства осваиваемого региона. Пространственные лакуны»** обосновывается, что расширение символизации пространства (в том числе и пространства Дальнего Востока) осуществляется в результате практического освоения территории. Такая символизация осуществляется по определенной схеме 1. Создание, постройка, укрепление первоначального пункта

заселения территории – форпоста, возникновение маркерных точек отсчета освоения пространства; 2 Радиального расширения хозяйственных районов вокруг первоначального пункта заселения; 3. Развитие и расширение отдаленных районов хозяйственного назначения, граничащих с другими форпостами Настоящая схема демонстрирует, что освоение пространства осуществляется в результате концентрического расширения практического знания о территории Дальнейшее развитие такого расширения приводит к тому, что радиусы отдельных «очагов» освоения начинают соприкасаться Объективным критерием признания освоения и символизации такого пространства становятся объекты хозяйственного назначения дороги, позднее – фонарные и телеграфные столбы и т.д. Все это объекты, входящие в систему административного (государственного) и частного (индивидуального) контроля. Такие объекты выступают своеобразной сигнальной, экстрарецепторной системой внутреннего контроля освоенной территории, поскольку именно за этими объектами, а не за самой территорией осуществляется надзор. Все остальное пространство, не включающее в себя объекты хозяйственного назначения, оказывается неконтролируемым и трудно обнаруживаемым административными бюрократическими органами. Такое пространство мы определяем как пространственную лакуну

Во втором параграфе **«Процесс возникновения и развития «проточной культуры» на примере пространственных лакун города Комсомольска-на-Амуре»** осуществляется социологическая рефлексия на процессы проточности В условиях постсоветской действительности происходит процесс разрушения единого коммуникационного пространства города. Этот процесс связан с интенсивным оттоком населения за пределы региона и города. Такой отток населения

выступает естественным условием существования проточной культуры. На Дальнем Востоке одним из факторов проточности был процесс челночной миграции населения. В постсоветской действительности традиционный и естественный отток людей перестает компенсироваться прибывающим населением. В результате миграция становится односторонней, что приводит к возникновению новых хозяйственных «дыр» – пространственных лакун. Такие лакуны становятся наиболее заметными в условиях городских поселений.

В настоящем параграфе на примере города Комсомольска-на-Амуре предпринимается попытка социологического анализа возникновения пространственных лакун. С этой целью были проведены качественные и количественные исследования, позволяющие прийти к следующим выводам: пространственные лакуны, существуя физически, практически полностью отсутствуют не только в административно-хозяйственных реестрах, но и в социальной рефлексии, проживающее там население является протестным, лакунарные пространства постепенно разрастаются и с течением времени становятся видимыми именно как социальные пустоты; увеличение лакунарного пространства приводит к стягиванию – сужению социального пространства.

В заключении подводятся итоги исследования, формулируются их наиболее важные результаты. На наш взгляд, специфика предлагаемой работы состоит в том, что ее осуществление находится на междисциплинарном стыке спекулятивных и позитивных наук. В силу этого в заключении мы формулируем возможность дальнейшего продолжения исследования в хронологических рамках сегодняшнего дня, связанного с определением концептов современного семиозиса Дальневосточного пространства и верифицируемой действительности этого пространства.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статьи в ведущих рецензируемых журналах списка ВАК

1. Говорухин, Г.Э. Революция как «блуждающая» метафора: семантика и прагматика революционного карнавала / Г.Э. Говорухин, Л.Е. Бляхер // Политические исследования. – 2006. – № 5. – С. 58 – 74.

2. Говорухин, Г.Э. Пространственная лакунарность: социально-философский аспект / Г.Э. Говорухин // Преподаватель XXI век. – 2007. – № 2. – С. 75 – 81.

3. Говорухин, Г.Э. Символика освоенного пространства (социологическое исследование освоения Дальнего Востока) / Г.Э. Говорухин, В.П. Чернышев // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2008. – № 3 (10). – С. 57 – 74.

4. Говорухин, Г.Э. Российский Дальний Восток: потерянные ожидания освоенного пространства (социологический подход) / Г.Э. Говорухин // Власть и управление на Востоке России. – 2008. – № 4 (45). – С. 115 – 120.

5. Говорухин, Г.Э. Пространство Дальнего Востока: ретроспектива освоения российских территорий / Г.Э. Говорухин // Социология. – 2008. – № 3. – С. 261 – 266.

6. Говорухин, Г.Э. Роль административных органов власти в условиях проточной культуры (на примере Дальневосточного региона) / Г.Э. Говорухин // Власть и управление на Востоке России. – 2009. – № 1. – С. 109 – 113.

7. Говорухин, Г.Э. Дальний Восток: история освоения и история утраты (социологический подход) / Г.Э. Говорухин, И.Ф.

Ярулин // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2009. – № 1 (12). – С. 155 – 162.

8. Говорухин, Г.Э. Становление риторики власти (пути формирования общего языка обывателя и кратоса) / Г.Э. Говорухин // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2009. – № 2 (13). – С. 191 – 198.

Монографии

9. Говорухин, Г.Э. Власть и властные отношения в символическом пространстве осваиваемого региона / Г.Э. Говорухин. – Комсомольск-на-Амуре ГОУВПО «КнАГТУ», 2007 – 182 с

10. Говорухин, Г.Э. Власть политики Власть пространства (принципы формирования регионального управления на Дальнем Востоке) / Г.Э. Говорухин – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2008 – 478 с

11. Говорухин, Г.Э. Комсомольск-на-Амуре в зеркале общественного мнения По материалам социологических исследований 2000-2008 гг. / Г.Э. Говорухин, И.В. Лаврентьев, А.А. Меньшиков – Комсомольск-на-Амуре ГОУВПО «КнАГТУ», 2008. – 49 с

Прочие статьи

12. Говорухин, Г.Э. Метафизика социального / Г.Э. Говорухин // Гуманитарные науки: научно-теоретические и логико-методологические аспекты Мат. регион. науч.-практ. конференции – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2002 – С. 14 – 15

13. Говорухин, Г.Э. Онтология власти в метафизике социальных отношений / Г.Э. Говорухин // Актуальные проблемы

социогуманитарного знания. Сб научн трудов каф философии МГПУ. Вып XVI. – М.: «Прометей», 2003. – С. 51 – 61.

14. Говорухин, Г.Э. Онтологические основания института власти Социальная метафизика / Г.Э. Говорухин // Наука – Хабаровскому краю. материалы V краевого конкурса молодых ученых и аспирантов. – Хабаровск: Изд-во ХГТУ, 2003. – С. 145 – 152

15. Говорухин, Г.Э. Контур власти в условиях постсоветского пространства (на примере г. Комсомольска-на-Амуре) / Г.Э. Говорухин // Город «Х». Провинциальные города России (теоретико-этнографические исследования): сб науч. статей. – Хабаровск, 2003. – С 50 – 61

16. Говорухин, Г.Э. Вертикаль власти как автокоммуникативное пространство / Г.Э. Говорухин // Науки о человеке, обществе, культуре. История, современность, перспективы. сб научн трудов. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КНАГТУ», 2004. – С 28 – 32.

17. Говорухин, Г.Э. Деструктивные явления в вертикали власти / Г.Э. Говорухин // Социально-политические процессы на ДВ России: анализ, регулирование, прогноз Сб материалов 1-й региональной научной конференции – Хабаровск Кн. изд-во, 2004 – С 177 – 179

18. Говорухин, Г.Э. Пространство власти в системе «проточности» на примере Дальневосточного региона / Г.Э. Говорухин // Власть и проблемы укрепления российской государственности в Дальневосточном федеральном округе: Материалы межрегиональной научной конференции – Хабаровск: Изд-во ДВАГС, 2005 – С 128 – 131.

19. Говорухин, Г.Э. Глобализация миро-системы и контурная символика проточной культуры / Г.Э. Говорухин // Вестник Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Комсомольский-на-Амуре

государственный технический университет» (ГОУВПО «КнАГТУ»):
Вып 5: В 3 ч · сб. научн. трудов – Комсомольск-на-Амуре ГОУВПО
«КнАГТУ», 2005. – Ч. 3. – С. 16 – 20

20. Говорухин, Г.Э. Географическое пространство осваиваемой территории в перверсии символизма власти / Г.Э. Говорухин // Человек, общество, культура проблемы исторического развития Материалы научно-практ конференции – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2005 – Ч 1. – С. 108 – 112.

21. Говорухин, Г.Э. Исчезающее пространство России или Пространство, которое мы теряем / Г.Э. Говорухин // Дальний Восток проблемы межкультурной коммуникации материалы региональной науч-практ конференции. – Комсомольск-на-Амуре ГОУВПО «КнАГТУ», 2006 – С. 229 – 235.

22. Говорухин, Г.Э. «Исчезающее пространство» советских городов современной России на примере города Комсомольск-на-Амуре / Г.Э. Говорухин, Е.А. Иващенко, О.А. Зайкова // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сб. научн. трудов каф философии МПГУ Вып XXXVII – М Прометей, 2007 – С. 32 – 48

23. Говорухин, Г.Э. Провокация на тему организации социальной системы / Г.Э. Говорухин // Социальное и экономическое развитие АТР проблемы, опыт, перспективы: Мат междуна заочной науч-практ конференции – Комсомольск-на-Амуре Изд-во АмГПУ, 2007 – С. 37 – 41

24. Говорухин, Г.Э. Некоторые условия возникновения социальных проблем в регионах (на примере Дальнего Востока) / Г.Э. Говорухин // Этносоциальное взаимодействие воспитательных систем: история и современность: Междуна заочная научно-практ

конференция – Стерлитамак Стерлитамак гос пед академия, 2007. – С 25 – 29.

25. Говорухин, Г.Э. Недоосвоенные территории освоенного пространства (экономико-социологический аспект) / Г.Э. Говорухин, Г.Р. Осипов // Вестник Тихоокеанского государственного университета – 2007. – № 2 (5). – С 179 – 196

26. Говорухин, Г.Э. Дальний Восток история становления социальной организации пространства / Г.Э. Говорухин // История освоения Россией Приамурья и современное социально-экономическое состояние стран АТР. Мат. междунаучно-практ. конференции. В 2 ч. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПГУ, 2007. – Ч 1. – С. 227 – 234

27. Говорухин, Г.Э. Развитие «проточной культуры» на примере пространственных лакун г. Комсомольска-на-Амуре / Г.Э. Говорухин // Науки о человеке, обществе, культуре: история, современность, перспективы. сб. науч. тр. – Комсомольск-на-Амуре. ГОУВПО «КНАГТУ», 2008. – С 49 – 53.

28. Говорухин, Г.Э. Общество и власть сквозь призму института выборов (анализ социально-политической ситуации г. Комсомольска-на-Амуре) / Г.Э. Говорухин // Вестник Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» (ГОУВПО «КНАГТУ») Вып. 12: в 2 ч.: сб. науч. тр. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КНАГТУ», 2008 – Ч 2. – С. 186 – 191.

29. Говорухин, Г.Э. Дискурс власти. История становления понятия «власть» / Г.Э. Говорухин // Амурский научный вестник: сб. науч. трудов. – Комсомольск-на-Амуре: АмГПГУ, 2008 – С 17 – 22.

30. Говорухин, Г.Э. Дальний Восток: ретроспектива освоения пространства / Г.Э. Говорухин // Дальний Восток: динамика ценностных

ориентаций. Мат. междунаучно-практической конференции. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2008. – С. 608 – 613.

31. Говорухин, Г.Э. Дальневосточный избиратель в изменяющейся России / Г.Э. Говорухин // Отечественная социология обретение будущего через прошлое материалы IV Всерос. науч. конференции «Сорокинские чтения» – Хабаровск: ДВАГС, 2008 – С. 74 – 79.

ГОВОРУХИН ГРИГОРИЙ ЭДУАРДОВИЧ
АВТОРЕФЕРАТ

Подписано в печать 01.10.09 Формат 60х84 1 / 16
Бумага писчая Гарнитура « Таймс». Печать цифровая
Усл. печ. л. 2 Тираж 100 экз Заказ № 545

Отдел оперативной полиграфии издательства
Тихоокеанского государственного университета
680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136